

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166

Научная статья

Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке

Л.П. Дядечко , Б. Ван *Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина* eptonim@ukr.net

Аннотация. Рассматриваются причины, способы и результаты модификации русских фразеологических единиц с компонентом – названием букв, которым, как и алфавиту в целом, придается в письменных лингвокультурах особенное значение. Актуальность темы определяется постоянным вниманием лингвистов к происхождению и функционированию фразеологических единиц, задачей уяснения глубинных процессов взаимодействия внеязыковой действительности, культуры в частности, и языковых структур, а также социальным заказом – усилившимся в последнее время интересом носителей русского языка к национальной сути и истории алфавита. Ставится цель выявить причины, стимулирующие модификацию фразеологических единиц с буквенным компонентом в русском языке, показать главенствующую роль культурно-исторического фактора в ней, проанализировать ее способы и результаты. Материалом послужили данные словарей, текстовых корпусов и картотека, составленная авторами по наблюдениям за спонтанной речью и фразоупотреблением в российском кино и прессе. Использовались описательный и историко-этимологический методы, приемы контекстологического, семантического, структурного анализа и метода двойной аппликации. Установлено, что основными культурно-историческими причинами, способствующими модификации фразеологических единиц исследуемой группы, стали орфографические реформы, внедрение прогрессивной методики обучения чтению и письму, контакты русских с народами, использующими иные системы письменности, смена культурно-мировоззренческих приоритетов, появление ярких произведений искусства. Основной способ модификации – лексическая замена старинного имени буквы на современное – в настоящее время уступает место оригинальным лингвокреативным находкам носителей языка не только в сфере окказионального фразообразования, как это наблюдалось ранее, но и узального. В результате модификации изначально интернациональные модели фразеологических единиц с буквенным компонентом приобретают собственно национальные черты.

Ключевые слова: фразеологизмы, история идиоматики, узальное фразообразование, окказиональное фразообразование, культурно-исторический фактор, орфографическая реформа, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 20.11.2021; принята к печати 10.01.2022.

Для цитирования: Дядечко Л.П., Ван Б. Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 153–166. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166>

© Дядечко Л.П., Ван Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Традиционная фразеологическая проблема – изучение лексического состава фразеологических единиц (ФЕ) – сейчас, в эпоху доминирования лингвокультурологического направления в языкознании, проводится под новым углом зрения. Слова-компоненты ФЕ соотносятся с кодами культуры, то есть с источниками, «которые лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой „подоснову“ культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» (Телия, Дорошенко, 2010: 10). Внимание ученых сосредоточено в основном на компонентах, связанных с отражением во фразеологии знаний о естественно-природных реалиях и предметах материальной культуры (Левченко, 2005: 156–315; «Вода» в славянской фразеологии..., 2013; Маркова, 2017; Ковшова, 2015, 2021; Prostor in čas., 2016; Tarasova, Kormiltseva, 2016; Daulet et al., 2018; Soldatkina et al., 2019; Renchin, 2020; Alshynbaeva et al., 2021). В этих работах идет речь о передаваемых из поколения в поколение знаниях, которыми обладают так называемые простые люди. Элитарная культура, культура интеллигентской прослойки в лингвистических исследованиях остается в стороне. К исключениям можно отнести фразеологический словарь, где предусмотрено специальное обозначение принадлежности общающихся к элитной лингвокультуре (Алефиренко, Золотых, 2008: 15).

В связи со сказанным особенный интерес вызывают компоненты ФЕ – названия букв, отражающие сложную диалектику взаимоотношений между крестьянской (простонародной) и элитарной культурами, отличия которых могут нивелироваться в определенную эпоху, в определенных сферах (ср. широкое распространение письменности во времена Владимира и Ярослава, безграмотность крестьян в период крепостного права и поголовное приобщение к образованию в последнее столетие). Обращение к данной группе ФЕ стимулируется также исключительной значимостью алфавита в мировоззрении народов, подчеркиваемой в научной литературе, где он рассматривается как модель концепта МИР (Степанов, Проскурин, 1993: 73–99), и своеобразным социальным заказом – активизацией публикаций о сакральном смысле букв в любительской лингвистике (Полиниченко, 2011).

Важность изучения ФЕ с компонентами – названиями букв очевидна и в свете поставленной задачи по уточнению и расширению историко-этимологического описания русских идиом (Мокиенко, 2010: 227). Как известно, русская азбука изменялась в ходе истории. Вышли из обихода некоторые буквы, а в языке – и их имена, сохраняющиеся, однако, в устойчивых выражениях и требующие комментариев для современных носителей русского языка. Поэтому неудивительно, что в поле зрения ученых попали прежде всего ФЕ с архаичным буквенным компонентом (Барандеев, 1993; Будейко, 2009; Кочеткова, 2001; Минакова, 2018). Сразу заметим, что общее количество проанализированных ФЕ не превышает двух десятков, в то время как в словарях насчитывается 112 ФЕ с буквенным компонентом (включая гипероним *буква*). Число увеличивается в 4 раза, если обратиться к ФЕ, в которых нашел отражение графический код.

В статьях об алфавитных ФЕ объясняются имена вышедших из употребления букв и устанавливается мотивация актуального значения ФЕ (Фомина, Яроцкая, 2004).

Вне зоны явного внимания остаются интра- и экстралингвистические факторы бытования ФЕ с буквенным компонентом в русском языке, хотя другие группы идиом анализировались в этом ключе. Можно вспомнить популярный пример модернизации оборота *на всех парусах – на всех парах*, стимулированной техническим прогрессом (см. в словаре и здесь же литературу, из новейших публикаций – Дронов, 2018: 72–81).

Цель исследования – показать определяющую роль культурно-исторического фактора в становлении и дальнейшем развитии ФЕ с буквенным компонентом в русском языке на фоне действия других факторов, приводящих к количественно-качественным изменениям в данной микросистеме.

Методы и материалы

Фактическим материалом исследования послужили тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ); данные 32 словарей; составленная авторами картотека из 450 единиц, включающая записи спонтанной речи, отрывки интернет-изданий и кинотеку, в которой собраны фрагменты 27 диалогов из российских фильмов последних четырех лет.

При обработке исследуемого материала использованы описательный и историко-этимологический методы, приемы контекстологического, семантического и структурного анализа. Для ФЕ, восходящих к конкретным текстам, применялся метод двойной аппликации (Дядечко, 2002: 146).

Результаты

Исследование привело к следующим результатам:

- подтвердилось предположение о том, что фразеологическая модификация, если под ней понимать обновление лексического состава ФЕ, распространяется на более широкий круг несвободных словосочетаний;
- фразеологическая модификация, протекающая под влиянием взаимодействующих между собой собственно языковым (системно-структурным) и внешним (экстралингвистическим) факторов, в анализируемой группе ФЕ характеризуется явным доминированием последнего, позволяющего установить с определенной мерой точности хронологию появления новообразования;
- существенную роль в модификации ФЕ с буквенным компонентом играет субъективный фактор, связанный с лингвокреативной деятельностью носителей русского языка, с художественным творчеством;
- результатом модификации ФЕ с буквенным компонентом является появление как их новых узуальных вариантов, так и новых самостоятельных ФЕ, в том числе теряющих преемственную связь со своим прототипом;
- обнаружилась неожиданно высокая витальность ФЕ с архаичным компонентом, вызванная: 1) сопротивлением русского языкового сознания утрате имени буквы – своего рода микрокосма; 2) речевой инерцией; 3) субъективным фактором, который нередко обретает формы культурно-политических предпочтений.

Обсуждение

Для динамики ФЕ с буквенным компонентом особенное значение имеют традиционность и реформаторство в письменности – одном из бесспорных интеллектуальных достижений человечества, изначально ориентированном на соответствие запросам меняющегося общества. Русская письменность, унаследовавшая кирилло-мефодиевскую традицию, претерпела несколько известных реформ, касавшихся количества букв, их наименований и функций. Нельзя также не учитывать тот факт, что носители русского языка издавна находятся в контакте с представителями иной лингвокультуры, а значит, более или менее знакомы с их письменностью.

В периоды графической стабильности модификация ФЕ с буквенным компонентом подчиняется общим правилам, связанным с воздействием языковой системы и поисками новых средств обозначения носителями языка, как в новом обороте *буквочка в буквочку*, который демонстрирует развитие вариантности у ФЕ *буква в букву*.

Примером действия разных факторов может служить модель *стоять + N₅*, которая встречается в двух ФЕ *стоять (ходить, смотреть) фертом* и *стоять (ставить) покоем*. Они содержат основанные на мнемотехническом принципе обозначения имена изначально старославянских, а затем и русских букв, воспринимаемых как архаичные.

Такой принцип стал меняться на фонетический со второй половины XIX века – в период распространения в России звукового метода обучения чтению. Закономерно было бы ожидать, что модификация ФЕ с выходящими из употребления именами букв осуществлялась посредством лексической субституции.

Однако первая ФЕ, употребляемая для описания поведения человека, используется в прежнем виде, причем более или менее активно. Поисковый запрос в НКРЯ выдал 25 контекстов из литературы последнего столетия, включая относительно недавние: *Рядом с ним стоял фертом некто Дройне* [Айтуар Абусейтов, 2005]¹. Отсутствие замены буквенного компонента объясняется тем, что второе – метафорическое – значение слова *ферт*, синонимичное словам *франт*, *щеголь*, возникло, как и значение ФЕ, на основе зрительного восприятия, сближая свободное значение с фразеологически связанным.

Модификация ФЕ *стоять фертом* шла по линии конкретизации образа: *...устроил руки свои фертом и в этом положении как будто посмеивается над всеми громами и молниями* [Салтыков-Щедрин, 1858–1862]; *Подъезжает лодка, в ней стоит Хлынов без сюртука, руки фертом* [А. Островский, 1869]. Дальнейшая конкретизация привела к появлению варианта ФЕ *локти фертом*: *...локти – фертом, носами в носы, выгнув спины, прицеливались друг в друга...* [Андрей Белый, 1930]; *Папа оттопыривает локти «фертом», вставив ладони в карманы короткого пиджака* [В. Скворцов, 2001].

Второй оборот *стоять (ставить и т. п.) покоем* со значением ‘стоять (ставить)’ в виде буквы П’ подвергся ожидаемой замене компонента с рас-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках примеры из художественных текстов, данные по НКРЯ.

ширением с помощью гиперонима не позднее 10-х гг. XX в. и сейчас активно используется: *...по обеим сторонам двух длинных столов, расставленных буквой П...* [Ал. Алтаев, 1914]; *...в просторной белой комнате ...стояли буквой «П» массивные добротные столы...* [Сергей Самсонов, 2010]. Эта замена приводит к разрушению устойчивых связей между глагольной и именной частями словосочетания: их совместная встречаемость обусловлена малым количеством глаголов помещения объекта какой-либо геометрической фигурой в определенном месте.

Новый способ обозначения, однако, не вытеснил старый – с помощью ФЕ: *В зале стояли покоем столы с отличными холодными закусками* [Куприн, 1932]; *...десятиэтажный дом, поставленный покоем в сторону проезжей части* [Дьяконов, 1995].

В появившейся в прошлом веке модели «буквой + гипоним», указывающей на расположение предметов или их форму, используются, естественно, современные названия букв русского алфавита: *загнутый буквой «г» гвоздик* [Бару, 2015]; *...три фонаря «летучая мышь», поставленных буквой «Т»* [Артем Анфиногенов, 1982]. Однако и здесь есть исключения, когда в роли переменного компонента выступает старинное имя буквы, причем не зафиксированное в составе ФЕ в других контекстах: *Гости чинно расселись за столами, поставленными буквой «твердо»...* [Пьецух, 2000]. Интересно, что перечень переменных компонентов ограничен. Он включает имена только тех русских и латинских букв, в начертании которых используются перпендикулярные линии, образующие простейшие комбинации: Г, Л (в упрощенном написании), П, Т, X, V.

Модификацией анализируемой развернутой (глагольной) модели следует признать ФЕ *стоять (согнуться) буквой зю*, где последний компонент принадлежит к несуществующей азбуке, отсылающий, однако, к именам двух букв греческого алфавита «мю» и «ню», широко используемых в математике, физике, химии. Данное выражение, как считается, вошло в речевой обиход в 70–80-е гг. XX в., для чего давно сложились благоприятные условия: в это время продолжалась массовая подготовка научно-инженерных кадров и сохранялся глубокий общественный интерес к естественным дисциплинам, о чем свидетельствовали высокие конкурсы на соответствующие специальности. В статье А.В. Зеленина (2005) ФЕ приводится в форме *буква «зю»*, хотя почти во всех примерах автора и в современном употреблении ФЕ имеет трехкомпонентную структуру и относится к глагольным: *Там ваш Лорд <кот> на крыше буквой зю стоит*. Именная ФЕ как самостоятельная единица со значением ‘учитель математики’ появляется позже.

Попутно отметим, не отрицая возможности стимулирующего воздействия киноискусства, излишнюю прямолинейность версии о том, что «своему рождению „буква зю“ обязана... фильмам о Зорро» (Зеленин, 2005: 79). Нельзя не учитывать направление фразообразовательного процесса и мотивацию абсолютного большинства ФЕ с буквенным компонентом, в основе которой лежит зрительный образ. При мысленном воссоздании знака, начерченного киногероем шпагой, исчезает так необходимое при воспроизведении/восприятии ФЕ чувство – переживание неестественности, невозможности (нереальная

буква – нереальная поза). Придать человеческому телу, если присесть и наклониться вперед, форму, напоминающую латинскую букву Z, можно, в отличие от русской З, соотносительность с которой в сознании носителей русского языка косвенно подтверждается началом записи-рисунка «ЗЮ», подаренного Г.А. Зюганову в 2009 г. Выбор именно девятой буквы русского алфавита может быть также аргументирован тем, что она более других похожа на фигуру человека (вспомним детскую песенку о «кривой рожнице» и «огуречике» как его изображении) и что исконно русские корни с сочетанием мягкого согласного «з» и гласного «у» единичны. Среди слов с такими корнями популярна весьма экспрессивная в силу своего звукоподражательного характера лексема *зюзя*, входящая в состав ФЕ *пьян, как зюзя, в зюзю пьяный*.

Примером острого реагирования на изменения в культурно-исторической обстановке является ФЕ *от А до Я*, в основе образного переосмысления которой лежит такой экстралингвистический фактор, как занимаемое в алфавите место.

Ее прототип – интернациональная ФЕ греческого происхождения *от альфы до омеги*, производная от библеизма *альфа и омега*: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец... Первый и Последний» (Апокалипсис, 1, 8–10). В данном отрывке речь идет о Боге-отце, далее в этом новозаветном тексте – в гл. 21, с. 6 и гл. 22, с. 13 – и позднее в церковной литературе альфой и омегой именуется Иисус Христос, см. также в русском азбуковнике XVI в.: «алфа и ѿ, начало и конец... первым азбучным словом прообразует Христа, а последним словом, еже есть ѿ, являет Христа...». Судя по материалам словарей, только в XVIII в. ФЕ закрепляется в своем светском истолковании.

В средние века, после христианизации восточнославянских земель, входит в обиход и производное выражение, представленное в славяно-русском переводе Хроники Георгия Амартола: «(и начать призывать сущимъ) ѿ(т) алфы и послѣдствоующе даже и до ѿта...». Несомненно, речь идет не о букве «оть», не занимающей конечной позиции в славянской азбуке, а о последней букве греческого алфавита. Об этом свидетельствуют и греческое происхождение протографа, и сам контекст (усилительная частица *даже и*), и традиция написания выражения *альфа и омега*: ученые отмечали, что первая буква в нем всегда обозначалась полным именем, а последняя – только курсивной буквой, объясняя это поздним появлением наименования «о-мега», «о большое» (Степанов, Проскурин, 1993: 79).

На русской почве конструкция *от... до...* вначале заполняется старо-/церковнославянскими именами букв. В наиболее ранней фиксации в НКРЯ она предстает уже как сформировавшаяся ФЕ со значением ‘полностью, все без исключения, во всех подробностях’ (в словарях этого периода отсутствует): «*Стоит только обратиться к ним <дворникам>, чтоб узнать в подробности историю житья-бытья всякого жильца, например, какого он поведения, есть ли у него деньги... они расскажут вам все от аза до ижицы*» [Жихарев, 1806–1809].

Исходная ФЕ, однако, не вытесняется всецело, продолжая употребляться в том же значении: *Она... сама старалась поглубже вдуматься во все подробности странновещательства Фомушки... наконец, додумалась от альфы*

до омеги... [Крестовский, 1867], – и сохраняется в современной речевой практике. Ср., казалось бы, неожиданную поправку в диалоге: «*Может, ты невнимательно читал?*» – «*Внимательно. Я читаю внимательно. От „а“ до „ять“*». – «*От „альфы“ до „омеги“*», – сказал он [Анчаров, 1989].

Параллельно и, как свидетельствуют примеры, активно в 50–70-е гг. XIX в. функционирует интернациональная ФЕ *от А до Z*, которая восходит к той же греческой модели и характеризует речь образованных слоев. Сейчас ФЕ, утратив коннотацию элитарности, используется в основном для обозначения заграничных реалий, как в названии справочного онлайн-издания о зарубежных рок-группах.

Почва для возникновения ФЕ с современными именами русских букв была подготовлена М.В. Ломоносовым в его «Российской грамматике», где он приводит русскую азбуку с тридцатью общеупотребительными буквами от А до Ъ, Ю, Я, исключив все дублиеты (Ломоносов, 1755: 41–42). Возможно, авторитет ученого сказался на самом раннем из фразеупотреблений: <Начальник приисков> *показал мне от «а» до «я» все производство промывки...* [М. Бестужев, 1857].

В течение более полутора веков, в том числе и в период смены алфавитного именника, в лексикографической практике и, что симптоматично, в образовательной сфере при неизменном начале завершающая часть русской азбуки варьировалась. Так, традиционно – фитою и ижицей – заканчивался алфавит в самоучителе и в разошедшемся в многочисленных переизданиях букваре. В опубликованном в это же время пособии была опущена ижица, а ее место занимал Й. В советское время буква Я тоже не сразу заняла свою нынешнюю позицию: после нее следовал Й или Ь, Ы, Й, Ъ, как в букваре, где последние буквы давались только в их строчной разновидности, что подчеркивало их невозможность находиться в абсолютном начале русских слов. Это обстоятельство, а также крайняя малочисленность слов на фиту и ижицу стало решающим в закреплении ФЕ в форме *от А до Я*.

Продолжающееся использование ФЕ *от аза до ижицы* объясняется в одних случаях речевой инерцией: *...я чуть не заревел белугой, хоть и знал, что ты врешь от «а» до «ижицы»* [Лавренев, 1925], – в других – политическими причинами, неприятием всего, что связано с большевиками, включая и орфографическую реформу: «*...и очень мучительны, верно, были ему молодые люди, окружавшие жену и находившиеся с ней в разных стадиях любовной близости, от аза до ижицы*» [Набоков, 1935–1937].

Модернизованная ФЕ, популярная в современной речи, может получать и дополнительное значение ‘обо всех/всем, расположив их в алфавитном порядке’: *Болезни от А до Я; Кто есть кто от А до Я; Институт от А до Я* и др. Данное значение реализуется и в окказиональных образованиях: *Названия цветов, от Абрикоса до Янтаря*. Ср. также: *Наша пресса нестрит обценной лексикой от А-А до ЯЯ*.

Субъективными причинами – стремлением к экспрессивизации речи, установкой на языковую игру – объясняется вариант с включением в ФЕ несуществующей буквы, вносящей сему ‘настолько тщательно и/или в таком объеме, что и вообразить невозможно’: *В далеком, наверное, 2015 году...*

строили дом в 11 этажей. Делали все коммуникации. Но в основном электрическую часть от А до Зю; Изделия из стеклопластика. Вывески и буквы: воплотим в жизнь любой символ, от А до Зю.

Новые исторические условия, когда стали необычайно актуальными вопросы самоидентификации народов на постсоветском пространстве, стимулировали обсуждение традиций в разных сферах, в том числе и в письменности. Предметом общественных дебатов в России стала буква Ё, возведенная в ранг символов самобытности русской нации. Она была узаконена в русском алфавите благодаря реформе 1917–1918 гг. (до тех пор отсутствовала в азбуках учебников), однако ее употребление объявлялось необязательным, что свело до минимума ее использование в литературе, исключая ту, которая предназначалась дошкольникам и ученикам младших классов; более того, даже в словарях слова, начинающиеся с Ё, размещались вперемешку со словами на Е. Повышенное внимание к имеющейся только в русском алфавите букве привело к ее использованию в названиях фирм, мероприятий и т. п., а также в трансформе *от А до Ё*. В журнале для детей «Трамвай» такое название имеет рассказ об уроках «Ё программы», начинающийся с примечательного обращения «Здравствуй, дружЁк!»

Привлекательность замены последнего компонента общезыковой ФЕ на Ё для взрослой аудитории кроется еще и в том, что эта буква пишется в начале известных эвфемизмов. Такая субституция имеет ярко выраженную рекламную направленность, сравн. в названиях книг и статей: *От «а» до «ё»: история кроссовера на ту самую букву; Мобильный тренинг: от А до Ё*.

Почти одновременно, впрочем сначала с оговоркой, входит в обиход ФЕ с такой же заменой, в новых условиях призванной восстановить образность, которой лишился базовый оборот в результате реформы 1917–1918 гг., когда из алфавита было исключено «и десятеричное»: *При такой странной необязательности можно и не ехать, но все-таки нужно поставить точки над «і» или, по-русски говоря, над «е»* [Аксенов, 1997]; *Расставить точки над і, или вернее над ё, патриотичнее: зачем нам это нерусское і?* [М. Чулаки, 2002]. В наше время ФЕ *ставить (поставить/расставить) все точки над Ё* используется весьма активно, хотя изображение буквы по-прежнему во многих случаях не соответствует исходному смыслу устойчивого выражения: *Чтоб сразу, как говорится, все точки над «е»... Интим входит в твои служебные обязанности* [Берсенева, 2005]; *Можем пригубить по последней. Расставим все точки над Ё* [Вл. Кузнецов, 2013]; – *Довольно, друзья! – мужчина гордо выпрямился. – Пора расставить все точки над Ё. ...Не на всякую затычку бочка същется*. Заметим, что отсутствие точек над буквами объясняется полиграфическими причинами.

Что касается использования базовой ФЕ в первоначальном виде в после-реформенный период, то оно связано, как и в случае с оборотом *от аза до ижицы*, с речевой инерцией или резко негативным отношением к любым изменениям в это время. И наоборот, форма ФЕ «пострадала», по-видимому, именно потому, что приверженцы большевистских преобразований, ввиду наличия «і» в дореформенной русской азбуке, усматривали в его написании одну из примет эпохи самодержавия (сравн.: оборот *от А до Z* не русифици-

ровался). Новый графический облик идиомы настолько закрепился в обиходе, что сейчас в учебной литературе несоответствие внешней и внутренней формы непременно разъясняется.

Несколько комичным выглядит такое несоответствие в 80-е гг. XX в., когда все в школе изучали один из европейских языков с письменностью на основе латиницы, при перепечатке дореволюционного произведения, где указывался источник идиомы: *Но он терпел полнейшее фиаско, когда дело шло о различных «обличениях», где уже приходилось волей-неволей говорить прямо и ставить точки над «и», как говорят французы* [Шеллер-Михайлов, 1871]. Справедливости ради надо признать, что в те же годы весьма активно использовалось первоначальное написание последнего компонента ФЕ, например: *В пятницу надо звонить Ларисе и ставить точки над *i** [Тарковский, 1982]; *Пришло время поставить точки над *i*. Секретарь парторганизации... для Ивана, да и для всех нас человек не чужой* [Халфина, 1986]. Ср. также обыгрывание ставшей привычной формы ФЕ: *Он совсем не стремится ставить точки над *и* – недаром в русском языке нет *и* с точкой* [Нина Воронель, 1975–2003]; *Лучше сразу поставить все точки над «*Й*», объяснить ей, почему были приняты подобные меры* (форум, 2008).

Модификация затронула и относительно недавно возникшую ФЕ с буквенным компонентом *поколение X*. С одной стороны, эта ФЕ вошла в круг обозначений поколений (вспомним интернациональное крылатое выражение *потерянное поколение*, актуализированное в нашу ковидную эпоху); с другой – стала началом ряда научных понятий в теории поколений: *поколение X*, *поколение Y*, *поколение Z*, *поколение Альфа* – фразеологических номинаций, легко детерминологизировавшихся во многих языках, например: *Алло, поколение «зет», прикурить не найдется?*

В русском языке модель была использована в названии романа В. Пелевина «*Generation „П“*» (1999 г.), где последнее слово является графическим эквивалентом буквы греческого алфавита, более известной в своем строчном варианте, благодаря изучаемому в школе математическому обозначению постоянной. Однако не число «пи» повлияло на такое ее прочтение, а имя английского Р, потому что обычная расшифровка буквы – «Пепси» (Pepsi), приведшая, кстати сказать, к появлению еще одного эпонима – *поколение «пепси»*.

Как видим, возникновение новой ФЕ *поколение «П»* полностью определяется культурным (в узком смысле) фактором.

Заключение

Модификация как закономерный процесс в развитии устойчивых выражений с неоднословной структурой, протекающий под воздействием объективных и субъективных факторов, в исследуемой группе ФЕ с компонентами – названиями букв отличается высокой степенью привязки к тем или иным культурно-историческим событиям в жизни российского общества.

Закономерная системная замена архаичной лексики в анализируемых ФЕ определяется следующими объективными причинами: 1) христианизацией и распространением письменности (*от альфы до омеги – от аза до ижицы*); 2) контактами с европейскими народами (*от аза до ижицы – от А до Z*); 3) внедрением прогрессивной методики обучения грамоте (*от аза до ижицы –*

от А до Я; ставить покоем – ставить буквой П); 4) глобализацией и усилением антиглобализма (от А до Я – от А до Ё). Последняя тесно связана с субъективными факторами – поиском новых экспрессивных средств номинации и установкой на языковую игру (от А до Я – от А до Зю и от А до Ё; поколение X – поколение П – поколение Пепси).

Изучение модификации лексического состава ФЕ с буквенным компонентом, приведшей к появлению новых идиом или их вариантов, не вытеснивших старых, продемонстрировало большую сопротивляемость русского языкового сознания утрате лексем как хранилищ знаний; представило диалектику взаимосвязей элитарной и общенациональной лингвокультур; показало расширение «буквенного пространства» русской фразеологии за счет включения единиц из английского варианта латиницы и ирреальной азбуки; раскрыло механизм перехода от интернациональных оборотов к собственно русским; вскрыло проблемы культуры печатной коммуникации. Сказанное позволяет видеть дальнейшие перспективы исследования в описании трансформационных возможностей отдельных групп ФЕ с целью развития лингвистических представлений о функционировании русского языка в неотрывном единстве с его пользователями и преобразователями.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Предисловие // Фразеологический словарь : культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М. : ЭЛПИС, 2008. С. 3–15.
- Барандеев А.В.* От буквы к термину // Русская речь. 1993. № 6. С. 89–93.
- Будейко В.Э.* Русские алфавитные фразеологизмы : лингвокультурный аспект фразеологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 407–410.
- «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии : коллективная монография / под ред. А. Золтана, О. Федосова, С. Янурика. Будапешт : ТИНТА, 2013.
- Дронов П.С.* Очерки по культурным трансферам во фразеологии. М. : Ин-т языкознания РАН, 2018. 102 с.
- Дядечко Л.П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания : история и современность. Киев : ИПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
- Зеленин А.В.* «Буква зю» // Русская речь. 2005. № 1. С. 79–83.
- Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры : монография. М. : ЛЕНАНД, 2021. 400 с.
- Ковишова М.Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М. : Гнозис, 2015. 368 с.
- Кочеткова Н.А.* Названия старославянских букв как архаичные элементы в составе фразеологизмов русского языка // Интеграция образования. 2001. № 2. С. 64–66.
- Левченко О.П.* Фразеологічна символіка : лінгвокультурологічний аспект : монографія. Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2005. 352 с.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика. СПб. : Имп. АН, 1755. 212 с.
- Маркова Е.М.* Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков : лингвистический и методический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 2. С. 152–174. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174>
- Минакова М.В.* Славянская азбука и фразеология // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 399–402.

- Мокиенко В.М. Культурно значимые смыслы ФЕ как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией проф. В.Н. Телия) // Живодействующая связь языка и культуры : материалы конференции, посвященной юбилею профессора В.Н. Телия. Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 224–231.
- Полиниченко Д.Ю. Семантическая интерпретация букв и звуков речи в российской любительской лингвистике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2. № 4 (34). С. 80–83.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М. : Наука, 1993. 158 с.
- Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры : материалы конференции, посвященной юбилею профессора В.Н. Телия. Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 5–13.
- Фомина Л.Ф., Яроцкая Г.С. «Азбучные» идиомы : опыт когнитивно-культурологического исследования фразеологических единиц // Мова. 2004. № 9. С. 189–193.
- Alshynbaeva M.A., Mazhitayeva Sh., Kaliyev B., Nygmetova N., Khamzina G.S. Linguocultural anatomical code : concept of sacredness // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–13. <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.31>
- Daulet F.N., Anuar S., Orazakynkyzy F., Kenzhebayeva A.A., Dossymbekova R.O. Cultural codes of ancient cults in Chinese and Kazakh phraseology // XLinguae. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 583–596. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.47>
- Prostor in čas v frazeologiji / ured. E. Kržišnik, N. Jakop, M.J. Tomazin. Ljubljana : Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016. 539 s.
- Renchin B. Codes of culture in English, Russian and Mongolian languages (on the material of idioms with the “fire”-component) // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 2 (3). С. 38–48. <https://doi.org/10.24411/2658-5138-2020-10003>
- Soldatkina T.A., Yakovleva S.L., Vavilova K.Yu., Rychkov A.V., Bogdanova N.V. Linguistic and culture code ‘Nature’ in the English and Russian phraseology // Proceedings of INTCESS 2019 : 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019. Dubai : OCERINT, 2019. Pp. 373–380.
- Tarasova F.H., Kormiltseva A.L. The gender marked phraseological units coding female intelligence in the Russian and English languages // IEJME – Mathematics Education. 2016. Vol. 11. No. 7. Pp. 2015–2024.

Сведения об авторах:

Дядечко Людмила Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии, Учебно-научный институт филологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина, 01033, Киев, ул. Владимирская, д. 60. Сфера научных интересов: фразеология, эптология («крылатология»), стилистика русского языка, теория речевого воздействия, медиалингвистика, лексикография, методика преподавания русского языка в школе и вузе. Автор более 200 научных работ. Член Фразеологической комиссии Международного комитета славистов (под эгидой ЮНЕСКО). Награждена медалью А.С. Пушкина (МАПРЯЛ) и медалью Н.В. Гоголя (УАПРЯЛ). ORCID: 0000-0002-7638-7163. E-mail: eptonim@ukr.net

Ван Бинцзи, аспирант кафедры русской филологии, Учебно-научный институт филологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина, 01033, Киев, ул. Владимирская, д. 60. Сфера научных интересов: фразеология, теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация, лексикография. Поэт, переводчик. ORCID: 0000-0003-3981-4098. E-mail: wangbj2013@foxmail.com

Cultural and historical conditions of modifications in Russian phraseological units with letter names

Liudmyla P. Diadechko , Bingji Wang

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine

 eptonim@ukr.net

Abstract. The article discusses causes, ways, and results of modifying Russian phraseological units with a letter-name component, which play a significant role in all written linguistic cultures. The relevance of the theme is proven by the sustained attention of linguists to the origin and functioning of phraseological units, the objective to comprehend the underlying processes of interacting between extralinguistic reality, including culture, and language structures, and by the social demand – the rise of interest of native Russian speakers in the national essence and history of the alphabet. The study aims at identifying causes for modification of Russian phraseological units with letter-name components, demonstrating the central role of cultural and historical factor in the modification process, analyzing modification ways and results. The material of the study includes dictionaries and text corpora, along with the authors' own collection of examples from spontaneous speech in Russian films and digital media. Descriptive and historical-etymological methods, contextual, semantic and structural analysis, and the method of double application were used in the research. The paper argues that the main historical and cultural causes of modifications of phraseological units in question include spelling reforms, progressive methods of teaching reading and writing, language contacts of Russian speakers with people using other writing systems, changes in cultural and ideological priorities, influential works of art. The main way of modification – lexical change of the old letter name to the contemporary one – concedes to more creative ways not only in the sphere of occasional creation of phraseological units, as before, but also in common usage. As a result of this modification, former international models of phraseological units develop national features.

Keywords: phraseological units, history of phraseology, common phrase formation, occasional phrase formation, cultural factor, historical factor, spelling reform, the Russian language

Article history: received 20.11.2021; accepted 10.01.2022.

For citation: Diadechko, L.P., & Wang, B. (2022). Cultural and historical conditions of modifications in Russian phraseological units with letter names. *Russian Language Studies*, 20(2), 153–166. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166>

References

- Alefirenko, N.F., & Zolotykh, L.G. (2008). Preface. *Phraseological dictionary: Cultural and cognitive space of Russian idioms* (pp. 3–15). Moscow: ELPIS Publ. (In Russ.)
- Alshynbaeva, M.A., Mazhitayeva, Sh., Kaliyev, B., Nygmetova, N., & Khamzina, G.S. (2021). Linguocultural anatomical code: Concept of sacredness. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 13(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.31>
- Barandeev, A.V. (1993). From letter to term. *Russkaya Rech'*, (6), 89–93. (In Russ.)
- Budeiko, V.E. (2009). Russian alphabetic phraseological units: Linguo-cultural aspect of phraseography. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, (2(24)), 407–410. (In Russ.)

- Daulet, F.N., Anuar, S., Orazakynkyzy, F., Kenzhebayeva, A.A., & Dossymbekova, R.O. (2018). Cultural codes of ancient cults in Chinese and Kazakh phraseology. *XLinguae*, 11(2), 583–596. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.47>
- Diadechko, L.P. (2002). *Winged words as an object of linguistic description: History and modernity*. Kiev: IPTs “Kiivs'kii universitet” Publ. (In Russ.)
- Dronov, P.S. (2018). *Essays on cultural transfers in phraseology*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Fomina, L.F., & Jarotska, G.S. (2004). The alphabetical idioms: The experience of cognitive-culturological research. *Language*, (9), 189–193. (In Russ.)
- Kochetkova, N.A. (2001). Names of Old Church Slavonic letters as archaic elements in the composition of phraseologisms of the Russian language. *Integration of Education*, (2), 64–66. (In Russ.)
- Kovshova, M. L. (2021). *The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. Anthropomonical culture code*. Moscow: LENAND Publ. (In Russ.)
- Kovshova, M.L. (2015). *Semantics of a headdress in culture and language. Costume code of culture*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Kržišnik, E., Jakop, N., & Tomazin, M.J. (Eds.). (2016). *Space and time in phraseology*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. (In Slavic languages.)
- Levchenko, O.P. (2005). *Phraseological symbolism: Linguo-cultural aspect*. Lvov: LRIDU NADU Publ. (In Ukr.)
- Lomonosov, M. (1755). *Russian grammar*. St. Petersburg: Imp. AN Publ. (In Russ.)
- Markova, E.M. (2017). Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: Linguistic and methodological aspects. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15(2), 152–174. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174>
- Minakova, M.V. (2018). *Slavic alphabet and phraseology. Multi-paradigmatic contexts of phraseology in 21st century* (pp. 399–402). Tula: Tul'skoe Proizvodstvennoe Poligraficheskoe Ob"Edinenie Publ. (In Russ.)
- Mokienko, V.M. (2010) Culturally significant meanings of phraseological units as their historical and etymological retrospection (based on the materials of A Large Phraseological Dictionary of the Russian Language). *A Lively Link Between Language and Culture: Proceedings of the Conference in Celebration of Professor Teliya's Anniversary*, (1), 224–231. Tula: TSPU Publ. (In Russ.)
- Polinichenko, D.J. (2011). Semantic interpretation of letters and sounds of speech in Russian amateur linguistics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2(4), 80–83. (In Russ.)
- Renchin, B. (2020). Codes of culture in English, Russian and Mongolian languages (on the material of idioms with the “fire”-component). *Language of Science and Professional Communication*, (2), 38–48. <https://doi.org/10.24411/2658-5138-2020-10003>
- Soldatkina, T.A., Yakovleva, S.L., Vavilova, K.Yu., Rychkov, A.V., & Bogdanova, N.V. (2019). Linguistic and culture code ‘Nature’ in the English and Russian phraseology. *Proceedings of INTCESS 2019: 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019* (pp. 373–380). Dubai: OCERINT Publ.
- Stepanov, Y.S., & Proskurin, S.G. (1993). *Constants of world culture: Alphabets and alphabetic texts in the periods of double-belief*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tarasova, F.H., & Kormiltseva, A.L. (2016). The gender marked phraseological units coding female intelligence in the Russian and English languages. *IEJME – Mathematics Education*, 11(7), 2015–2024.
- Teliya, V.N., & Doroshenko, A.V. (2010). Linguacultural hypothesis of reproducibility of language expressions. *A Lively Link Between Language and Culture: Proceedings of the Conference in Celebration of Professor Teliya's Anniversary*, (1), 5–13. Tula: TSPU Publ. (In Russ.)

Zelenin, A.V. (2005). “Letter zyu”. *Russkaya Rech’*, (1), 79–83. (In Russ.)

Zoltan, A., Fedoszov, O., & Janurik, S. (Eds.). (2013). “*Water*” in *Slavic phraseology and paremiology*. Budapest: TINTA. (In Slavic languages.)

Bio notes:

Liudmyla P. Diadechko, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology, Educational and Scientific Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 60 Volodymyrska St, Kyiv, 01033, Ukraine. *Research interests*: phraseology, eptology (theory of winged words), stylistics of the Russian language, theory of speech influence, media linguistics, lexicography, methodology of teaching the Russian language at school and university. The author of more than 200 scientific papers. A member of the Phraseology Commission in the International Committee of Slavists (under the under the auspices of UNESCO). Was awarded the Medal of A.S. Pushkin (MAPRYAL) and the Medal of N.V. Gogol (UAPRYAL). ORCID: 0000-0002-7638-7163. E-mail: eptonim@ukr.net

Bingji Wang, PhD student at the Department of Russian Philology, Educational and Scientific Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 60 Volodymyrska St, Kyiv, 01033, Ukraine. *Research interests*: phraseology, translation theory, intercultural and interlingual communication, lexicography. Poet, translator. ORCID: 0000-0003-3981-4098. E-mail: wangbj2013@foxmail.com